
ОТКРЫВАЯ АТЛАНТИДУ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ¹

Больше десятилетия прогресса

Подобно легендарной, ушедшей под воду Атлантиде, о которой писал античный философ Платон, долгая, богатая и сложная история русской благотворительности была предана забвению в течение почти семидесяти пяти лет. С завершением советской эпохи в начале 1990-х гг. все возрастающее число историков в России и за ее пределами стало обращаться к изучению этого «исчезнувшего континента». К настоящему времени ими опубликовано впечатляющее количество книг и статей, предназначенных как для специалистов, так и для широкого круга читателей. Хотя эти работы различаются по глубине исследования и степени концептуализации, очевидно, что за весьма короткий промежуток времени достигнут значительный прогресс в понимании истории благотворительности и социальной помощи, особенно периода XIX – начала XX в.

Как отмечает одна из первых исследовательниц в данной области Г.Н. Ульянова, внимание историков было приковано главным образом к изучению определенных тем и ряда конкретных вопросов². В нескольких работах представлен всесторонний обзор истории благотворительности и социальной помощи за продолжительный период времени³, но большинство историков предпочло сосредоточить свое внимание на углубленном изучении отдельных аспектов данной темы. Мы знаем больше всего о благотворительности в период новой истории, а именно с 1800 г. до начала Первой мировой войны, и немного о ее ранней истории. Особенно поражает значительная и зачастую дотошная работа, проделанная историками по изучению пожертвований и покровительства искусству и науке российской промышленной и торговой элиты⁴. Историкам удалось также осветить такие вопросы, как менталитет филантропов, в особенности купцов и предпринимателей, социальные факторы и культурные нормы, обусловившие их мотивацию. Исследования на местном и региональном уровне помогают

обозначить географическую распространенность благотворительных организаций в социальном пейзаже городской и сельской России и то, каким образом они вносили свой вклад в развитие гражданского общества⁵. В ряде работ рассматривается структура благотворительности, правовой статус благотворительных обществ, периодические издания по вопросам социальной помощи, борьба за созыв Всероссийских благотворительных съездов и создание союзов⁶.

Задача воссоздания из небытия утраченных фрагментов исторического прошлого и возвращения их в историческую память современников представляется благодарной и заманчивой для ученого. Перед первым поколением историков, исследующих область исторических знаний, которая долгое время пребывала в небрежении, открываются большие возможности, но одновременно они сталкиваются и с немалыми трудностями. Характерной чертой ранних работ, посвященных новой проблеме, часто является некритический подход с излишней долей восхваления. Так, например, желая исправить «почти совершенное отсутствие упоминаний о женщинах на страницах исторических книг», первые работы по истории женщин, вышедшие на Западе в 1960-х – 1970-х годах, часто изображали роль женщин в героическом свете⁷. Официальная советская историческая наука, если и признавала существование дореволюционной «буржуазной» благотворительности, то относилась к ней и ее «лицемерным» деятелям с крайней долей презрения. Поэтому хвалебный тон, в котором выдержаны многие современные работы по истории благотворительности, вполне понятен, тем более что их авторы стремятся извлечь «уроки прошлого» и рассматривают свою работу как чрезвычайно важную для стимулирования филантропии и создания сильного третьего сектора в посткоммунистической России⁸.

Пришло время, когда исследователям русской благотворительности следует применить более сбалансированный, аналитический подход к изучению этой темы и воспротивиться соблазну восхваления традиций и дел, ранее служивших предметом насмешек. Нам все еще очень многое неизвестно, и обширные пространства «исчезнувшего континента» нуждаются в изучении. Еще важнее историкам использовать имеющиеся у них возможности, чтобы поднять эту область исследований на более высокий уровень концептуализации, тщательнее анализируя факты и обращая внимание на нюансы. Далее вниманию читателей предлагаются некоторые размышления по вопросам, которые могут быть заданы, и рекомендации о возможных направлениях изучения истории благотворительности в будущем.

За рамками бинарных парадигм

Бинарные концепты долгое время доминировали в интерпретации истории социальной помощи. Стало казаться, что при рассмотрении темы все сводится к набору дихотомий, восходящих к XIX в. и усиленных в XX в. такими тенденциями в историографии, как теория модернизации. «Традиционное» противопоставлялось «современному» (modern), чтобы породить исторический нарратив (grand narrative в постмодернизме обозначает официальные исторические кон-

цепции), согласно которому социальная помощь эволюционировала от частной благотворительности в период нового времени, когда вспомоществование носило добровольный характер и зачастую было случайным, к государству всеобщего благосостояния (*welfare state*) в XX веке, когда право бедных на эту помощь было закреплено в законодательстве. В связи с этим бинарный концепт противопоставляет деятельность общества деятельности правительства. Подобным же образом разграничиваются религиозные и светские мотивы и формы благотворительности с акцентом на секуляризацию помощи бедным в новое время. В соответствии с еще одной бинарной парадигмой, применяемой как современниками, так и историками, паллиативные формы помощи противопоставляются ее превентивным формам, причем последние рассматриваются как более современные и «рациональные»⁹.

Будучи не всегда обосновательными, бинарные парадигмы, тем не менее, создают представление о чрезмерной детерминированности истории. Они удерживают нас от обретения более тонкого, плюралистического понимания сложных отношений между различными органами власти и социальными группами, а также внутри них. Например, если мы заострим наше внимание на процессе секуляризации (обмирщения культуры и индивидуального сознания) или других тенденциях модернизации, от нас ускользнет стойкий религиозный смысл, который люди на протяжении веков вкладывали и продолжают вкладывать в благотворительность и в такую «традиционную» форму помощи, как милостыня, которая жива и по сей день. Историческая реальность конца XX века ставит под сомнение телеологический (т. е. построенный на исторической целесообразности) «grand narrative», согласно которому частная благотворительность трансформируется в государство всеобщего благосостояния. В столь разных государствах, как США в период президентства Рональда Рейгана, а также старшего и младшего Бушей, Великобритания при Маргарет Тэтчер и постсоветская Россия, государственное обеспечение было разрушено или поколеблено, тогда как наблюдалось возрождение частной благотворительности и благотворительных организаций при поддержке государства.

История благотворительности в России доказывает с особенной яркостью несостоятельность бинарных концептов. Казалось бы, Октябрьская революция положила конец частной благотворительности, заменив ее законодательно установленной и администрируемой в рамках государства системой социальной защиты и страхования. Однако был ли Октябрь 1917 г. столь драматическим поворотным пунктом? Законодательно закрепленные обязательства государства по социальному обеспечению людей от колыбели до могилы стали реальностью для советских граждан постепенно и вовсе не в равной степени. Государственная политика, трудности быта и социальная фрагментация при коммунистическом режиме, безусловно, изменили характер социальных отношений в России, отразившись на способности людей сострадать несчастным, возможностях или желаниях прийти им на помощь. Однако родственники и друзья не переставали помогать друг другу. И даже в советское время люди находили поддержку в официальных и неофициальных религиозных и других сообществах и продолжали выстраивать сети неформальных социальных связей. Если предположить, что в Советском Союзе не существовало благотворительности, тогда как же мы можем объяснить бурное возрождение практики частных пожертвований во время

перестройки? Изучение истории благотворительности в советский период может принести неожиданные и интереснейшие результаты¹⁰.

Целый ряд аспектов российской дореволюционной благотворительности также демонстрирует несостоятельность бинарных парадигм, противопоставляющих общественное частному, государство обществу. Как можно охарактеризовать благотворительные организации, которые финансировались из пожертвований и использовали труд добровольцев, но находились под юрисдикцией таких квазигосударственных структур, как Попечительство о трудовой помощи? А когда губернатор и его жена возглавляли местные благотворительные общества и советы, они представляли государство или общество? Когда крестьянские общины осуществляли законодательно закрепленную помощь сиротам путем размещения их в семьях «по очереди», это следует расценивать как общественное призрение или как частную благотворительность? Во время Первой мировой войны разные государственные и частные организации и лица, муниципальные попечительства и правительственные комиссии объединили усилия (и даже часто конкурировали) для оказания помощи семьям мобилизованных солдат, беженцам, раненым и искалеченным воинам. Их дело являлось национальным, патриотическим и общественным, но финансовые и людские ресурсы шли из различных правительственных и частных источников¹¹.

Маленькие подробности истории отдельных благотворительных обществ и заведений, которые на первый взгляд могут показаться незначительными, тем не менее, являются красноречивыми свидетельствами, иллюстрирующими ограниченность бинарных парадигм. Например, основанное в 1864 г. Попечительное общество о бедных в Тамбове включило в свой устав ряд прогрессивных, «рациональных» методов по оказанию помощи малоимущим. Одним из них было разделение города на участки с целью изучения нуждающихся и оказания им индивидуализированной и специализированной помощи. Но, несмотря на разборчивый подход к оказанию помощи, еще в 1912 г. Общество продолжало расходовать часть средств на столь традиционные формы помощи, как раздача куличей, мяса и яиц бедным семьям к празднику Пасхи. В 1913 г. жена губернатора, став председателем Общества, произвела кардинальные перемены в его деятельности, и в том числе отмену пасхальных раздач продуктов неимущим¹². Изучение драмы (вызывающей реминисценции с некими сюжетными линиями из «Бесов» Достоевского!), разыгравшейся вокруг этого маленького переворота в истории одного общества накануне Первой мировой войны, наводит историка на размышления о тех аспектах динамики социального состава благотворительных организаций, которые могли бы ускользнуть при более общем исследовании.

Как показывает вышеприведенный пример из истории Тамбовского благотворительного общества, дихотомия между религиозной и секулярной благотворительностью также не является абсолютно приемлемой или даже правильной. Историкам не следует разделять благотворительность на религиозную и светскую. Изучение конкретных примеров показывает, что часто невозможно провести четкую грань между религиозными и светскими мотивами и стремлениями. Многие из самых инновационных, прогрессивных благотворительных инициатив в XIX и XX вв. черпали вдохновение и руководство к действию из религии.

В некоторых случаях религиозные и светские начала переплетались столь причудливым образом, что это может привести в замешательство современных

исследователей. Подтверждением тому служат многочисленные примеры из истории англо-американской благотворительности, на которую в течение продолжительного периода времени оказывали серьезное влияние религиозные лидеры, а также два примера из истории позднеимперской России. Так, отец Иоанн Кронштадтский, встревоженный вышедшим из-под контроля количеством просящих милостыню в своем приходе, создал первый в России Дом трудолюбия для того, чтобы заставить трудоспособных нищих зарабатывать себе на кусок хлеба исполнением полезной работы. Однако он сам продолжал раздавать милостыню толпам нищих, собиравшихся у церкви и у его дома¹³.

В 1903 г. современница отца Иоанна, графиня Софья Панина, основала Лиговский народный дом, преследуя совершенно иную цель — создать, по ее словам, «новый симбиоз просвещения и развлечения». Отвергнув модель финансируемых государством народных домов при попечительствах о народной трезвости, она задумала Лиговский народный дом как просторное и хорошо оснащенное пристанище, где рабочие и их дети могли бы не только забыть о душевных трущобах, но учиться и социализироваться¹⁴. В отличие от многих филантропических и образовательных заведений подобного рода, Лиговский народный дом не имел часовни. Его разнообразная деятельность мало пересекалась со стезей официальной религии. Однако освящение его здания в 1903 г. было исполнено религиозным смыслом. Для проведения церемонии Панина избрала известного своими прогрессивными взглядами священника отца Григория (Петрова), более того, днем проведения церемонии освящения было выбрано воскресенье пасхальной Страстной недели.

Исследователи истории благотворительности, решившие отказаться от общепринятых бинарных парадигм с их чрезмерным использованием детерминистского нарратива, часто сталкиваются с более многоплановой и порой запутанной реальностью, где границы между государством и обществом, традицией и современностью, религией и секуляризованным пространством размываются или вообще исчезают. Общепринятые даты переломных моментов в истории становятся менее значимыми, а преемственность приобретает столь же важную роль, как и перемены. Детальные и углубленные исследования истории городских и сельских общественных или частных благотворительных организаций помогли бы выяснить, каким образом общественное и частное начала взаимно пересекались, и как при их взаимопроникновении в действительности осуществлялась помощь бедным на местном уровне. Микроисторический подход к изучению истории церковных приходов, деревень, отдельных районов в городах может показать, какими путями благотворительность интегрировалась в местную экономическую, политическую, общественную и культурную жизнь и как это отражалось на возникновении таких явлений, как общественная солидарность или социальная фрагментация и поляризация. Изучение истории отдельных благотворительных организаций (при наличии достаточной источниковой базы) помогает нам более четко представить динамику внутреннего развития данных структур. Например, кто и по какой причине стал членом этих организаций, или же почему одни организации процветали, а другие приходили в упадок. Таким образом, мы сможем понять, что собой представляло гражданское общество на местном уровне, какую роль в нем играли благотворительные организации и что было необходимо для их успешного развития.

Подающие и получающие (доноры и реципиенты)

Еще одна общепринятая бинарная парадигма в исследованиях благотворительности подразделяет исторических действующих лиц на богатых и бедных. Однако историки все чаще отказываются от статического портрета активного дающего и пассивного получающего, рассматривая бедных как активных действующих лиц, по-разному использующих доступные им источники помощи. Расширилось и само определение пожертвования, которое стало охватывать более широкий спектр дарителей, включая в их число не только богатых и представителей элиты, но и самих бедняков. Социальные теории, заимствованные из антропологии или социологии, предоставляют различные способы рассмотрения взаимоотношений, возникающих в результате пожертвования, и мотивов, стоящих за этим¹⁵. Более пристальное и критическое рассмотрение подающих и получающих помощь, а также отношений, складывающихся между ними, было бы чрезвычайно полезным для изучения истории благотворительности в России.

Историкам, например, следует с осторожностью использовать бинарную категоризацию бедных, разработанную в законах о бедных и экспертами в области помощи бедным в имперский период: «послушные» или же «опасные» бедняки, достойные оказания помощи или же лжецы и бездельники. Эти характеристики порождают вопросы, когда мы станем пристально рассматривать бедных, пытаясь обнаружить активную роль, которую они играли в благотворительности. Изучение такого вопроса, как сопротивление неимущих тому, чтобы быть причисленными к той или иной категории бедняков или использование ими этих категорий в своих интересах, также заслуживает внимания исследователей. Как, например, вели себя бедняки, когда попечители или члены благотворительных обществ навещали их дома? Старались ли они соответствовать ожиданиям своих покровителей, чтобы убедить их в том, что они действительно нуждаются в оказании помощи и заслуживают ее?

Особый интерес представляет изучение того, в каких случаях бедняки стремились получить благотворительную помощь и как они ее использовали. Неимущие рассматривали благотворительность как один из вариантов в тех стратегиях выживания, которыми они пользовались. Когда и почему бедняки прибегали к помощи незнакомцев и людей более высокого социального положения вместо того, чтобы искать поддержки у равных себе, включая семью и соседей? Благодаря запискам современников и этнографов XIX в. мы располагаем довольно обширной информацией о том, как практически оказывали и принимали помощь в сельской местности. Так, например, в своих «Письмах из деревни» исследователь и землевладелец Смоленской губернии А.Н. Энгельгардт описывает то, как исчерпавшие во время зимы все запасы зерна целые семьи уходили побираться «по кусочки» у своих односельчан, у ближних и дальних крестьян и помещиков¹⁶. Для изучения истории бедных городских слоев не исследованным, но потенциально ценным комплексом источников являются письма и прошения бедных, поданные ими в благотворительные учреждения. Эти материалы могут обеспечить понимание того, каким языком и какими способами пользовались бедные для того, чтобы получить помощь. Документы самих благотворительных учреждений могут также способствовать нашему пониманию того, как неимущие использовали эти учреждения. Была ли в бедных русских семьях принята распро-

страненная среди бедного городского населения Европы и Америки практика на время помещать своих детей в сиротские приюты в периоды болезни, безработицы или при других чрезвычайных обстоятельствах, чтобы забрать их обратно после того, как ситуация изменится в лучшую сторону? Образцом исследования такого рода является монография Дэвида Рэнсела, в которой изучены вопросы о социальном статусе и мотивации поведения женщин, оставивших своих новорожденных детей в Воспитательных домах Москвы и Санкт-Петербурга¹⁷.

Столь же важным является вопрос о том, как воспринимали благотворительную помощь сами нуждающиеся. Многие деятели благотворительности были движимы искренним желанием использовать филантропию, чтобы воздвигнуть мост через социальную и экономическую пропасть, разделявшую богатых и бедных, и предполагали, что установят личные отношения с теми, кому они помогали. Для мироощущения современного человека такие предположения кажутся в лучшем случае наивными. Но с какой реакцией бедняков на самом деле приходилось сталкиваться деятелям благотворительности? Фрагмент из мемуаров женщины-врача Анны Николаевны Жуковой-Бек, которая в 1890-х годах являлась студенткой Женского медицинского института, наводит на мысль об одной из возможных причин возникновения чувства обиды на своих покровителей. Жукова, являясь старостой своей группы студенток, познакомилась с баронессой Иксукуль, «которая после открытия института шефствовала над ним, вникая во все его нужды». Баронесса часто вызывала Жукову и других студенток к себе домой.

«Приходилось нам после занятий тащиться к ней пешком <...>. Обсуждение дел часто затягивалось до ночи. В конце нам лакей выносил на подносе в изящных японских чашечках чай с пряничками. Нам требовалась более существенная пища. На обратном пути мы, голодные и усталые, шлепали по грязи и критиковали отношение к нам аристократки-баронессы»¹⁸.

Такие примеры, как этот, могут объяснить многое о том, что подразумевали под благотворительностью те, кто пользовались ею.

Несмотря на то, что нам намного больше известно об идентичности доноров, чем об идентичности реципиентов, еще многие вопросы совершенно не изучены. В исследованиях прослеживается тенденция сосредотачивать внимание на донорах из богатых и привилегированных классов, например, таких, как баронесса Иксукуль. Однако в благотворительной деятельности принимали участие представители всех социальных групп. Поэтому важно понять роль и значение благотворительности для самих бедняков, а также для интеллигенции, профессиональных групп (адвокатов, врачей, профессуры, учителей) и городских жителей среднего достатка. Стремилась ли представительница российской буржуазии подражать аристократии в занятии благотворительностью? Имитировали ли мещане поведение купцов? Отличалась ли культура и практика пожертвований у различных общественных классов?

Широкое поле для исследований также открывает изучение влияния гендера, этничности и религии на пожертвования. Согласно данным двух недавних исследований, женщины были более склонны завещать свое имущество на нужды благотворительности, чем мужчины¹⁹. Существует множество различных направлений в изучении и сравнении роли мужчин и женщин в благотворительности. Например, можно провести сравнительное исследование благотворительной

деятельности помещиков и помещиц по отношению к их крепостным крестьянам. Многообещающее начало положено также изучению благотворительности в среде нерусского населения — в исследованиях раскрывается то, как имперская национальная политика, российское законодательство в области добровольных общественных организаций и внутригрупповая социальная динамика влияли на эволюцию социальной помощи в сообществах этнических меньшинств²⁰. Расширительная дефиниция благотворителя-жертвователя показывает не только универсализм акта благотворительного пожертвования, но также и его огромную вариативность.

Более тщательного изучения заслуживает великое множество мотивов, которыми были вызваны благотворительные пожертвования. Так, корыстные интересы и стремление осуществлять контроль над народом сосуществовали с искренним чувством сострадания и надеждой на социальную гармонию. Желание повысить социальный статус пересекалось со стремлением людей заслужить спасение души после смерти. Многие владельцы предприятий, помещики и работодатели занимались благотворительностью по отношению к зависящим от них людям, видя в этом предпочтительный способ по сравнению с такими мерами, как повышение заработной платы, необходимость платить местный налог на бедных, поддержка государственной системы страхования и пенсий или необходимость прибегать к помощи полиции для того, чтобы подавить недовольство взбунтовавшихся бедняков. Один из экспертов в сфере изучения благотворительности пишет так: «С этих точек зрения благотворительность становится, во-первых, контекстуализированной в рамках весьма широкого и более динамичного диапазона преднамеренной социальной активности, и во-вторых, она в значительной степени представляет собой улицу с двухсторонним движением, включая преимущества и невыгоды обеих сторон благотворительного «уравнения»²¹.

Анализируя то, кем были люди, занимавшиеся благотворительностью (доноры), важно также внимательно рассмотреть, кем были их предполагаемые получатели (бенефицианты). Мотивы пожертвований чужим людям, очевидно, различались от помощи соседям, членам своего церковного прихода, постоянным клиентам или подчиненным. Так, например, по какой причине в 1890-х годах группа купцов открыла женское училище в городе Курске? Анализ документации может раскрыть то обстоятельство, для кого было создано это благотворительное учреждение: для всех членов общества, для дочерей людей, находившихся в подчинении купцов, или же для их собственных дочерей²². И, наконец, важно видеть различия между видами и предметами пожертвований. Так, по моему мнению, цели и мотивы меценатства в значительной степени отличаются от причин оказания помощи бедным и от благотворительности по отношению к церкви.

Рассмотрение концепта «моральной общности» (*moral community*) позволяет историкам благотворительности проанализировать возникающие в процессе филантропии виды социальных отношений и конфликтов между донорами и реципиентами. Например, отдельные предприятия и даже целые отрасли производства можно представить как микрокосм общества, где как рабочие, так и владельцы предприятий стремятся осуществить свои, часто сильно отличающиеся друг от друга, моральные представления и социальные идеалы²³. Подобный подход может раскрыть причины того, почему патернализм заводчиков вступал в противоречие с моральными ожиданиями рабочих. Вышеназванный концепт мо-

жет быть применим и к изучению истории благотворительных учреждений. Видение И.И. Бецким идеи Московского и Петербургского воспитательных домов показывает, что благотворительные учреждения представлялись как образцы социальной и моральной общности. Для деятелей благотворительности открытие сиротского приюта, народного дома или другого учреждения было способом реализовывать их собственные представления о том, какие условия являлись идеальными для морального и социального исправления (reformation) неимущих. В то же время люди, для которых эти учреждения были созданы, несомненно, обращались к ним, ожидая чего-то своего. Изучение истории конкретных благотворительных учреждений может пролить свет на то, что происходило в том случае, когда интересы и моральные представления жертвующих и принимающих помощь (т. е. доноров и реципиентов) не совпадали. Подводя итог, необходимо отметить, что более глубокое изучение идентичности тех, кто жертвовал и кто принимал пожертвования, их ожиданий и взаимодействий, превращает историю благотворительности из тихого переулочка с односторонним движением в весьма шумный и оживленный перекресток.

Благотворительность как публичное зрелище

И, наконец, хотелось бы предложить в качестве одного из направлений будущих исследований вопрос о том, какую роль благотворительность играла в различных сферах российской общественной жизни. Ритуализированная и в известной степени сценичная, благотворительность зачастую превращалась в представление или зрелище, которое несло политическое или социальное послание (message). Такие публичные проявления благотворительности происходили как на общенациональном, так и на местном уровнях, на улице и в прочих публичных местах, например, в залах провинциальных дворянских собраний. Благотворительная деятельность, ее практические деятели и бенефицианты (т. е. лица, принимавшие помощь, живущие иждивением) — были представлены на театральной сцене, в произведениях художественной литературы, на картинах, плакатах и фотографиях.

Даже в поздней имперский период истории России публичные проявления благотворительности использовались для репрезентации и, как надеялись, для укрепления связи между монархом и его подданными. Все важные события в жизни царской семьи, будь то коронация, заключение брака, рождение или смерть, в качестве неопределяемого события содержали публичные раздачу подарков населению. В свою очередь, российские подданные отмечали эти даты, совершая обильные благотворительные пожертвования. К примеру, после гибели Александра II в результате террористического акта был выдвинут целый ряд благотворительных инициатив в его память. Крушение же императорского поезда осенью 1888 г. вызвало всенародный всплеск пожертвований в знак благодарности «по случаю чудесного избавления Августейшего семейства от опасности»²⁴. Тем не менее, активное участие царской семьи в помощи населению во время Первой мировой войны, как оказалось, никоим образом не способствовало уменьшению растущей враждебности людей в отношении династии Романовых.

Следовательно, рассмотрение такого рода изменений, наблюдавшихся на протяжении XIX и начала XX в., может способствовать более глубокому пониманию эволюции монархии, народного патриотизма и использования благотворительности в политических целях.

Благотворительность являлась важным компонентом повседневной публичной жизни на губернском и уездном уровнях. И на самом деле, не будет преувеличением утверждение, что благотворительность создала многие формы российской общественной жизни. Русские люди включили благотворительность в народные празднования Рождества и Пасхи: например, некоторые купцы в эти праздники регулярно устраивали раздачу милостыни нищим возле своих домов или контор, а благотворительные организации — ежегодные базары. Проведение балов, литературных вечеров и спектаклей было общеизвестным способом увеличения средств благотворительности и, в то же время, преобладающей формой увеселения и социализации как в провинциальных городах, так и в столицах. Церемония торжественного открытия нового благотворительного учреждения превращалась в публичное событие, на котором присутствовали представители правительственных и религиозных учреждений, местная знать. Для анализа такого рода событий имеется богатейшая источниковая база — от репортажей в местных газетах до фотографий. Обращение к разработанным в антропологии и социологии вопросам о представлении (performance) и ритуале может стать чрезвычайно полезным при интерпретации смыслов таких публичных событий и понимания их воздействия.

Живопись и особенно фотографии представляют собой обширный, но пока почти совершенно неиспользованный источник для изучения репрезентации российской благотворительности и места благотворительности в общественной жизни. Представители благотворительных организаций уделяли особое внимание тому, чтобы их благие дела остались запечатленными на пленке. Так, в распоряжении историков оказалось бесчисленное множество фотоснимков с изображением публичных мероприятий, благотворительных сборов средств, фасадов и интерьеров зданий благотворительных заведений, а также персонала и клиентов филантропических учреждений. Фотографии также помогают нам реконструировать жизнь в этих заведениях и увидеть, какому оборудованию, мебели и архитектурному стилю отдавали предпочтение основатели сиротских приютов, домов престарелых и других заведений подобного рода. Данные материалы являются бесценным источником для анализа того, как благотворительные организации желали представить свою деятельность общественности.

Такие детали фотографий, как одежда, позы, выражения лиц доноров и реципиентов, а также характер отношений, складывавшихся между ними, документируют парадную сторону благотворительности, которую хотели показать публике, и многое говорят о том, в каком свете благотворительные учреждения стремились предстать перед публикой²⁵. Так, например, рассматривая недавно опубликованную роскошную коллекцию фотографий, нельзя не обратить внимание на удивительную чистоту интерьеров благотворительных учреждений и организаций, опрятный вид их клиентов. Изображения же грязных ночлежных домов, оборванных детей и взрослых, напротив, крайне редки²⁶.

Внимательное прочтение того, как практика совершения пожертвований и получения помощи изображалась в произведениях художественной литературы

(будь то восхваление раздачи милостыни заключенным в «Записках из мертвого дома» Достоевского или же скептицизм Чехова в его рассказе «Анна на шее»), также могло бы обогатить наше понимание многоликости значений, которые имела благотворительность.

Изучение скандалов, возникавших вокруг деятельности благотворительных организаций, может стать еще одним весьма продуктивным направлением в изучении данной темы. Анализ того, как пресса и беллетристика описывали случаи финансовых злоупотреблений и обманные мероприятия по сбору средств, а также сообщений о плачевных условиях, в которых находились благотворительные учреждения, может помочь найти ответы на ряд важных вопросов. Так, например, служило ли это доказательством того, что репутация частной благотворительности в позднеимперский период переживала упадок? Было ли это чем-то большим, чем идеологическая враждебность, проявившаяся в полной мере по отношению к частной филантропии в советскую эпоху?

Важность истории благотворительности

Историкам, занимающимся изучением благотворительности в России, надлежит занять свое полноправное место на переднем крае нашей профессии. История благотворительности относится к тем немногим областям исследования, изучение которых особенно продуктивно, поскольку оно углубляет наше понимание целого ряда исторических проблем, начиная с вопросов политической культуры, экономических и социальных отношений и заканчивая различными нюансами повседневной жизни людей, их моральных и общественных идеалов.

История благотворительности так же важна в России, как повсюду и всегда, потому что, к сожалению, очевидно непреходящее значение изречения Иисуса Христа «ибо нищих всегда имеете с собою» (Матф. 26: 10). При попытках разработки эффективной социальной помощи и поиска баланса между правительственными и частными усилиями в этой сфере, общество в целом и отдельные личности продолжают стоять лицом к лицу с теми же проблемами понимания причин бедности и идентификации бедняков. Знакомство с опытом прошлого может оказаться полезным для тех, кто призван иметь дело с современными социальными проблемами, будь эти люди государственными деятелями, политиками или обычными гражданами, к которым бедняки обращаются за помощью на улицах Москвы или Филадельфии.

Наша ответственность как историков состоит в том, чтобы избежать формализованных категорий и упрощенных повествований. Мы обязаны выработать необходимое концептуально утонченное знание, которое охватит все многообразие, нюансы и совокупность черт благотворительности в прежние эпохи.

Примечания

- 1 Благодарю Екатерину Владимировну Пискачеву за перевод текста с английского языка и Галину Николаевну Ульянову за помощь и советы при подготовке статьи к публикации на русском языке.
- 2 Ульянова Г.Н. Изучение истории благотворительности в России: Тенденции и приоритеты (1989–2002) // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. Ежегодник 2002. СПб., 2003. С. 16–30.
- 3 Примерами обобщающих исследований являются: *Lindenmeyr A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton, 1996; *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001; *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века. Красноярск, 2003; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М., 2005.
- 4 Монография Г.Н. Ульяновой «Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914» (М., 1999) установила высокий стандарт скрупулезного исследования. Хорошим примером научно-популярной работы о меценатах из купцов и промышленников является книга Н.Г. Думовой «Московские меценаты» (М., 1992).
- 5 Одна из первых работ в этом плане: *Bradley J. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia*. Berkeley, 1985.
- 6 *Павлова И.П.* Организационные и правовые основы социального попечения в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2003. Полезное, хотя и неравноценное по качеству, рассмотрение периодической печати по вопросам благотворительности содержится в книге: *Горчева А.Ю.* Нищенство и благотворительность в России. М., 1999. В ряде статей Л.А. Булгаковой, основанных на тщательном архивном исследовании, освещены усилия лидеров благотворительности, предпринимаемые ими в позднимперский период, по объединению разобщенных благотворительных организаций. См.: *Булгакова Л.А.* 1) Неудавшиеся попытки созыва съездов по общественному призрению в начале XX века // Россия в XIX–XX вв. Сборник статей к 70-летию Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 195–204; 2) Из истории русской периодической печати: журнал «Призрение и благотворительность в России» [1912]–1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 409–433; Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. Ежегодник 2001. СПб., 2001. С. 313–323.
- 7 См.: *Anderson B.S., Zinsser J.P.* A History of Their Own: Women in Europe from Prehistory to the Present. Vol. II. New York, 1988. P. xi.
- 8 См., например, работу И.П. Павловой «Организационные и правовые основы социального попечения в России». С. 3–5.
- 9 Для дискуссии о бинарных парадигмах в изучении истории благотворительности см.: *Jones C.* Some Recent Trends in the History of Charity // Dauntton Martin (ed.). Charity, Self-Interest and Welfare in the English Past. New York, 1996. P. 51–52.
- 10 См. *Lindenmeyr A.* From Repression to Revival: Philanthropy in Twentieth-Century Russia // Warren F. Ichman, Stanley N. Katz, Edward L. Queen (eds.). Philanthropy in the World's Traditions. Bloomington, 1998. P. 309–331.
- 11 См.: *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003.
- 12 *Туманова А.С.* Благотворительные общества губернского города: Опыт регионального исследования. 1862–1917 // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования. Ежегодник 2002. С. 181.
- 13 См.: *Lindenmeyr A.* Poverty Is Not a Vice. P. 170–175; *Kizenko N.* A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People. University Park, 2000.

- 14 Папина С.В. На петербургской окраине // Новый журнал (Нью-Йорк). 1957. Кн. 48. С. 168–171.
- 15 Краткий обзор последних тенденций в изучении взаимоотношений между подающими и получающими содержится в работах: *Jones C.* Some Recent Trends in the History of Charity; *Mandler Peter* (ed.). The Uses of Charity: The Poor on Relief in the Nineteenth-Century Metropolis. Philadelphia, 1990.
- 16 Энгельгардт А.Н. Из деревни. Двенадцать писем. 1872–1887. Письмо 1-ое (1872). СПб., 1897.
- 17 *Ransel D.L.* Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988. Особенно см. главу 8.
- 18 Жукова-Бек А.Н. Обзор моей жизни // Общее дело. Жизнь и деятельность известных врачей Забайкалья Е.В. и А.Н. Бек. Новосибирск, 1996. С. 61.
- 19 *Kaiser D.H.* Testamentary Charity in Early Modern Russia: Trends and Motivations // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. P. 8–9; *Marrese M.* A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. New York; Ithaca, 2002. P. 167–178.
- 20 См., например: *Минцуллин З.С.* Татарские благотворительные общества во второй половине XIX — начале XX в. // Благотворительность в России. Ежегодник 2002. С. 215–229.
- 21 *Jones C.* Some Recent Trends in the History of Charity. P. 55.
- 22 См.: *Колчанова Е.В.* Деятельность земства, общественной и частной благотворительности по развитию народного образования в российской провинции в конце XIX — начале XX в. (на примере Курской губернии) // Благотворительность в России. Ежегодник 2002. С. 211–212.
- 23 См., например: *Steinberg M.* Moral Communities: The Culture of Class Relations in the Russian Printing Industry 1867–1907. Berkeley, 1992; *Bowman L.* Seeking salvation: moral economies and management at the Morozov mills, 1885–1905 // Social History. Vol. 28. N. 3 (October 2003). P. 322–345.
- 24 См., например, номера московского журнала «Детская помощь» за ноябрь и декабрь 1888 г.
- 25 Отчеты частных благотворительных заведений и журналы по благотворительности «Вестник благотворительности» и «Трудовая помощь» регулярно публиковали фотографии. Богатые фотографические свидетельства представлены в исключительной по значимости коллекции, опубликованной в книге «Благотворительность и милосердие в Петербурге. Рубеж XIX–XX веков» (авторы-составители: В.Н. Занозина и Е.А. Адаменко. СПб., 2000). К сожалению, текст этой книги совершенно не согласован с фотографиями, и авторы не ссылаются на представленные изображения, не пытаются анализировать их содержание и, наконец, не объясняют, кем и по какому случаю были сделаны фотоснимки. Временами текст и сопровождающие его фотографии вообще приходят в противоречие друг с другом, например, на с. 90–91, где документ, датированный 1904 годом («Отчет Александро-Мариинского благотворительного общества, состоящего при детской больнице принца П. Ольденбургского за 1901 и 1902 гг.») и описывающий суровую нищету и даже отсутствие одежды у детей и их матерей — клиентов Александро-Мариинского общества, сопровождается фотографией комнаты ожидания в той же больнице, заполненной очень хорошо одетыми женщинами и детьми!
- 26 Там же.